

Князь. Титул предков ничто, коли не доблестью заработан. Обо мне говорили, меня узнали, мы в глаза один другому смотрели, я остерегался (коли не в нашей службе, с радостью уступлю место Нассау-иностранцу, а иначе — ни за что, хоть бы даже и в одном был со мною чине. Ежели нужно, скажите об этом Графу Браницкому; пусть бы даже был он Герцогом и Пэром Франции, ни ему не уступлю, ни Ангальту¹⁰, ни другим, ежели будут со мною в одной службе). Сопливец Дама, друг его, возомнил, что мне равен, подходит и кричит мне: «Сударь!»¹¹ Хотя бы Светлейший воздал по заслугам молодому человеку, я был не хуже их флагмана, — не человек, а шляпа одна, и сказать Вам не могу, берется в полный голос распоряжаться, русские слышат язык французский словно от играющего свою роль актера¹², а меж тем я, командующий, ни на мгновение ни единого слова, кроме его приказов, услышать не могу. Я в бешенство пришел. Думали, что я в тылу, а я принужден был команды давать чрез младших чинов, и потому Фишера упустил¹³, который дошел уже до края бездны, а как достал я его, он уже был там. Другой, повежливее Дама, привязался ко мне¹⁴, представлялся будто на обеде, из виду меня не терял (говорю Вам, пусть Князь о сем думает, как хочет, я же все сие видел. В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблей). Есть способ от пуль укрыться. Кстати, слева от меня был один, но честный человек. Я поворачиваю круто вправо, воспитанный волонтер предо мной. Вдруг левый повод у меня хватает, моя лошадь еще на пядь — и конец¹⁵. Хотел бы я, чтобы Вы о нем разузнали. Коли останусь жив, буду у Князя. Я русский, не потерплю, чтоб меня теснили эти господа. Граф Браницкий¹⁶, Принц Де Линь¹⁷ — люди почтенные. Легче расчесть время на душевные превратности, чем на телесные: боюсь, рана моя чрез месяц заживет, а за три недели — скажу спасибо.

Турки больше делать вылазок не станут¹⁸. Другое дело, если надобно, приманим их. Я всегда в своей манере. «Помните ли прежние радости?» — встречаю я Василия Степановича. — «Положим, Вам только и дела — сказать Князю, что лучше будет „меня высечь“, чем при людях распекать, да вслух». — «Извольте сами ему говорить. Не мое дело» — реверанс¹⁹. У меня 27 артиллерии не было. Она была в резервном корпусе. Александр Николаевич там был²⁰. С. меня фальготировал²¹. Хорошее правило для батальона в походе. Последние слова мои были касательно того, чтоб другой позвать, а 1-й притянуть. Знал я, что Скаржинский²² поминутно извещал о себе с казаками. Трегубов сим обманулся. Но Вы знаете, у меня всегда ординарцев мало, дежурный был один офицер, один младший офицер, один казак. Дежурный Трегубов иногда имел 1 матроса. Мне бы их прислали, у меня бы их на раздачу приказов не хватило. Даже для повторных приказов не хватало. Субординация! Стыдно мне говорить о сем. Разве не я громче всех кричал против неподчинения?! Хватит... да, истинная правда: я ведь не разбираюсь в пехоте, я там и недели подряд не служил во всю жизнь²³, которая вот-вот кончится, а до того пребуду при Князе, ежели только сам он меня не откомандирует (франц.).

270. В. С. ПОПОВУ

Ч. 18 августа 1788. Кинбурн

Милостивый Государь мой Василей Степанович!

Прежнее мое не стоило ответа Вашего Высочородия от 16 ч.¹ Как и это еще меньше: в оном ни посредства, ниже о имени... упомянуто не было. Воображения наши подвержены ежевременной перемене вида, почему за пролетающие наши мысли мы и сами себе не отвечаем². Иногда мы их

описываем приятелю без обоюдного уважения. Так я переписывался с Вами, так часто с моим другом Осипом Михайловичем: басни и дело! Вы имеете Ваши департаменты, без обременения — выше... Благополучно текло. Кратко, Вы сами знаете: подозрения быть не могли: природа не одарила меня безчестностью, перемениться мне поздно, буду всегда тот же. В прежнем два Героя под протекциею Академии хвалились, что они будут С-м³. Не предосудительно ли то мне? Честь моя мне всего дороже, покровитель ей Бог. Разве после суд, я не спичка. Так и имел я долг Вам дружески напомнать. Рана, Милостивый Государь мой, это шутка: 2 докт[ора] медиц[ин]ы⁴, я 3-й кричали вместе без толку, брызнули они от меня, как с ристанья. Но она была смертельна, и ныне еще с остатком того, будто до будущей недели. Знаете, что лекари льстят. Помните, сколько моя прежняя продолжалась... Чувствую ныне и прежние мои раны, но, доколе жив,—служить, хотя иногда и отдыхать. Так долг христианина! Чистый разум без узлов. Мой стиль не фигуральный, но натуральный — при твердости моего духа! Ежели Кап[итан]-п[аша] жив, и хотя буйно, но по лутчей ловкости быть здесь драке, то желал бы, чтоб басурмане дали мне покой по малой мере на неделю. Обнимая Вас, как друг, остаюсь с истинным почтением

Милостивый Государь мой!
Вашего Высочества
покорнейший слуга
Александр Суворов

271. Г. А. ПОТЕМКИНУ

[18 августа 1788]

Боже мой! Как я обезпокоил Вашу Светлость, моего благодетеля. Скромность, притворство, благовражие, своенравие, твердость и упрямство равногласны, что разуметь изволите? Общий порок человечества. Для меня толк пятой заповеди по естеству или случаям¹. Один способен к первой роле, другой ко второй; не в своей роле испортят. Обоим воинские законы руководством, щастье от их правил. Лизандр! Лстив и лжив, дома не сидел, Агезилай зделал его гевальдигером². Лаудон добрый человек, взял шуткою — Дубицу³. Кто у Вас отнимает, С[ветлейший] К[нязь], Вы великий человек, Вы начальник начальников, Вы говорите: их слава — Ваша слава; кто ж из них за нею бежит — она бежит от того, а истина благоклонна одному достоинству. М[илостивый] Г[осударь], добродетель всегда гонима, покровительство ближе всех к Вам, Вы вечны, Вы кратки, в него я себя поручаю с глубочайшим почтением.

А. Су.

272. В. С. ПОПОВУ

Милостивый Государь мой Василей Степанович!
За писание Вашего Высочества от 21-го, мною сего числа чрез архитектора полученное¹, приношу мою покорнейшую благодарность, равно и за участие, приемлемое в случае нещастного здесь трясения², от коего я, бла-